

26.84(2)
42
3.
5
91
A-46

О. РИНА

742

НАРОДНО-ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

91
Я-46

ОТЕЧЕСТВОВЪДЕНІЕ.

26.49 (2)

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ

И

ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ?

ЖИТЕЛИ ЛѢСНОЙ ПОЛОСЫ.

Александрова.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА.

ИЗБРАНО КОММИССІЕЮ КЪ НАПЕЧАТАНІЮ ИЗЪ ЧИСЛА ЧТЕНІЙ
ДЛЯ НАРОДА, ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДКѢ.

ИЗДАНИЕ 6-Е.

ЦѢНА 10 КОП.

МОСКВА.

Собст. А. Я. Панафидина.

Лялинъ пер., собственный домъ.

1904.

Уиб. 19504.

КМ.

Дозволено цензурою. Москва, Июля 21 дня 1904 года.

Типографія А. П. Поплавскаго, Москва.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ

и

ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ?

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЖИТЕЛИ ЛѢСНОЙ ПОЛОСЫ.

Зыряне, Вотяки и Пермьки, о жизни которыхъ мы будемъ говорить, населяютъ ту полуночную страну нашего отечества, гдѣ начинаются дремучіе лѣса, и откуда идетъ, такъ называемая, лѣсная полоса. Страна эта лежитъ далеко на сѣверъ за Волгою и захватила своими дремучими лѣсами или борами всю почти Вологодскую губернію, большую часть Вятской, Пермской и южную часть Архангельской. Одной стороною она прилегла къ Уральскимъ горамъ, другой—къ отрогамъ Финляндскихъ скалъ, а на сѣверѣ встрѣтилась съ болотистой тундрой. Гдѣ кончается тундра, тамъ и начало этихъ лѣсовъ.

И не по прямой линіи сошлись они другъ противъ друга: въ одномъ мѣстѣ тундра глубоко внѣдрилась въ чащу лѣсовъ и не даетъ крѣпости и силы дереву, пропуская на него холодные сѣверные вѣтры и бури; а въ иныхъ мѣстахъ лѣса выступили на тундру и, жидкая и водянистая, она сдѣлалась плотнѣе и суше. Прежде всѣхъ показался на ней мелкій кустарникъ,—въ вершокъ толщины и меньше сажени вышины; но кустарникъ этотъ спрятался отъ холодныхъ вѣтровъ подъ мхи и лишай, а за нимъ и подлѣ него выступили можжевельникъ, березка или тальникъ, выступила потомъ и тонкая лиственница, лишенная вѣтвей; и такимъ порядкомъ стали деревья собираться другъ подлѣ друга, стали защищаться одно за другимъ.—Сперва поселились они точно отдѣльными семьями,—небольшими роицами, а далѣе вытянулись и въ стройные непроходимые лѣса. И чѣмъ южнѣе, тѣмъ лѣса стали гуще и выше, а дерево дрябло или хрупко, тонко и лишено вѣтвей. Лиственница, которая попадаетъ на крайней границѣ лѣсовъ, имѣетъ стволъ тонкій, даже веретенообразный, не поднимающійся болѣе двухъ-трехъ сажень въ вышину, и, вмѣсто вѣтвей, на немъ видишь одни только сплетенія высохшихъ побѣговъ. Понятно, что сѣверное лѣто достаточно, чтобы выгнать молодые побѣги, но коротко для образованія древесины. Холодные

вѣтры и продолжительная зима не даютъ, такимъ образомъ, крѣпости и силы передовымъ деревьямъ, выросшимъ на окраинѣ тундры; но, тѣмъ не менѣе, выдерживая кое-какъ борьбу, эти деревья заслоняютъ собою другихъ своихъ собратьевъ и даютъ начало тѣмъ дремучимъ, необозримымъ лѣсамъ, которые покрыли Русскую землю на нѣсколько тысячъ верстъ вдоль и на нѣсколько сотъ поперекъ. Прежде всѣхъ явились у тундры хвойные лѣса,—сосна и ель. Около Печоры и ея притоковъ, а также къ Уральскимъ горамъ идутъ кедровые лѣса, встрѣчается и дубъ, устоявающій противъ сильныхъ холодовъ; но дубъ здѣсь далеко не такъ роскошенъ, какимъ мы его видимъ въ средней Россіи. Изъ другихъ лиственныхъ породъ попадаетъ чаще всего береза, а южнѣе является и липа. Гдѣ пройдетъ по лѣсу пожаръ и удобрить землю золою хвойнаго лѣса, на той землѣ вырастетъ непременно березнякъ. Березнякъ подобнымъ путемъ смѣняетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хвойный лѣсъ; но все-таки самую непролазную чащею хвойнаго лѣса заняты и заполнены вся Вологодская губернія, Олонецкая, Архангельская, Вятская, Пермская, сѣверная часть Казанской, Костромской, Тверской и другихъ. И какъ появились у тундры сосна да ель, такъ на нѣсколько десятковъ и даже на нѣсколько сотъ верстъ идетъ ель да ель, или сосна да

сосна. Между елью земля покрылась лишаями да мхами, а среди сосенъ растутъ мелкія деревья или кусты березы, вербы, можжевельникъ, растеть голубика, клюква и другія ягоды. Такая однообразная картина дополняется еще вѣчно-однообразною же, никогда несмѣняющеюся темнозеленой хвоей, и хвойный лѣсъ становится не только мрачнымъ, но и пустыннымъ. Твердыя, смолистыя иглы хвои, осыпаясь на землю и нагрѣваясь солнцемъ, мертвятъ въ лѣсу всякую почву, дѣлають ее никуда негодною и человѣку, который не знаетъ, какъ почву расчистить и удобрить для хлѣба, остается въ этихъ лѣсахъ жить, конечно, не тѣмъ, что земля можетъ дать и за что ее можно назвать кормилицею, а тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такъ, въ лѣсахъ, розыскивая себѣ пищу, пушной звѣрь гоняется другъ за другомъ, пожираетъ одинъ другого; и человѣку остается также не сидѣть на одномъ мѣстѣ, а переходить или гоняться по лѣсу за звѣремъ и дѣлать изъ него свою добычу. Исконные обитатели этихъ лѣсовъ: Зыряне, Вотяки, Мермяки и другіе. Они такъ и поступали, такъ и жили, переходя или перекочевывая съ мѣста на мѣсто и питаясь однимъ звѣремъ. Но сосѣди, русскіе или новгородцы, прослышавъ о богатствахъ этой страны, которая звалась въ прежнія времена Пермью, явились и сюда, завоевали ее такъ же, какъ

Допскую землю, какъ берега Вѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Прежде всѣхъ пришли сюда новгородскіе лодочники, называвшіеся ушкунниками, а затѣмъ и новгородскій купецъ Строгоновъ. Строгоновъ, узнавъ, что земля эта изобилуетъ неисчерпаемыми соляными источниками, основалъ здѣсь первый соляной заводъ и первое поселеніе, извѣстное теперь какъ городъ Соль-Вычегодскъ. Землю эту, поросшую хвойнымъ лѣсомъ, новгородцы нашли удобною для заселенія. Вода, которая просачиваетъ тундру насквозь и дѣлаетъ ее невозможной для осѣдлой жизни, собралась въ этихъ хвойныхъ лѣсахъ въ многочисленные ряды озеръ и источниковъ; и здѣсь-то, въ этой глуши, родились наши длинныя, широкія, многоводныя рѣки: Кама, Вятка, Печора, Двина и другія. На этихъ-то рѣкахъ и ихъ притокахъ явились и первыя русскія поселенія. Русскіе стали здѣсь рубить лѣса, сплавливая ихъ для продажи въ Архангельскъ и другія мѣста, стали расчищать и выжигать ихъ, приготовляя, такимъ образомъ, подъ золой сожженного лѣса, землю, пригодную для пашни. Построили нѣсколько заводовъ, занялись и рыбными, и звѣриными промыслами; но чѣмъ больше распространялось населеніе осѣдлыхъ людей, чѣмъ больше жгли и расчищали люди лѣсную чащу, тѣмъ меньше и меньше стало водиться пушнаго звѣря. Звѣрь началъ

уходить, какъ говорятъ Зыряне, за Камень, то-есть, за Уральскія горы,—въ Сибирскія неприступныя дебри. Такъ, въ прежнія времена, Зыряне и другіе инородцы доставляли въ изобилии Русскимъ соболей, куницъ, бобровъ; теперь же о соболяхъ, бобрахъ и помину нѣтъ, а дорогая куница сдѣлалась уже рѣдкою гостьей. Прежняя обильная звѣриная охота нѣсколько оскудѣла; а съ этимъ вмѣстѣ перемѣнился и кочующій за звѣремъ инородецъ—Зырянинъ, Вотякъ, Пермь и другіе. Волей-неволей они должны были заняться, по примѣру русскихъ, расчисткой лѣсовъ, обработкой пашни и сдѣлаться осѣдлыми. Но много времени прошло, пока Зырянинъ сдѣлался христіаниномъ, принялъ христіанскую вѣру, также долго онъ былъ и кочевникомъ; и не далѣе, какъ въ настоящее столѣтіе образовались зырянскія села, и Зырянинъ сталъ жить въ русской избѣ, носить русское платье, селиться въ русскихъ городахъ, говорить по-русски и даже пѣть русскія пѣсни. Но и при этомъ онъ все еще плохой земледѣлецъ, а только ловкій охотникъ. Это настоящій лѣсовникъ, въ жизни котораго звѣриный промыселъ—главный трудъ и единственное средство къ пропитанію и оплатѣ податей. Онъ населилъ всѣ лѣса Вологодской губерніи и часть Архангельской. Черный или русый, съ темно-сѣрыми или темно-голубыми весьма живыми и

умными глазами, онъ далеко не похожъ характеромъ на того печорскаго Зырянина, который ограбилъ Самоѣда и о которомъ мы говорили въ прошломъ чтеніи. Лѣсной Зырянинъ истый охотникъ—отваженъ, предприимчивъ и честенъ. Окончивъ осенью свои полевые работы, онъ сейчасъ же беретъ съ собою *матку*, то-есть, маленькій компасъ, и съ винтовкой и со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ—собакой, идетъ на трудный промыселъ за звѣремъ и птицей, верстъ за 200, за 300, а иногда переходитъ и Уралъ. Онъ еще въ дѣтствѣ не просить отца купить ему въ городѣ кушакъ или шапку, а со слезами на глазахъ выпрашиваетъ ружье, и съ этимъ ружьемъ упражняется по лѣсамъ около своей деревни. Онъ и годъ считаетъ отъ осени до осени, отъ промысла до промысла, и свой возрастъ опредѣляетъ числомъ прожитыхъ осеней. Деньги зырянскія—это звѣриныя шкурки. Одна бѣличья шкурка означаетъ копѣйку, а пруть, на которомъ навѣшано сто бѣличьихъ шкурокъ—это рубль. На промыселъ идутъ обыкновенно Зыряне партіями, человекъ по 10 и 20, и, пока не затянутся рѣки льдомъ, переѣзжаютъ большія пространства, переволакивая свои легкія лодки по многочисленнымъ озерамъ и рѣкамъ—съ рѣки на рѣчку, съ озера на озеро; а застигнетъ зима, бросаютъ лодки и дѣлаютъ *нарты* или сани. На этихъ саняхъ собаки тащутъ ихъ

провизию или харчи, и Зыряне доходятъ такимъ образомъ до мѣста промысла. Тутъ они строятъ свой любимый *пывзанъ*, то-есть, бревенчатую избушку, или лѣсную баню. Въ избушкѣ, въ углу, складываютъ каменку, печь, и возлѣ пывзана устрояютъ, въ видѣ голубятни, чуланъ или амбаръ. Амбаръ этотъ утверждаютъ обыкновенно на 4-хъ столбахъ, но чаще дѣлаютъ его на одномъ столбѣ. Столбъ этотъ подтесывается, снизу уже, а сверху шире, въ видѣ сахарной головы, опрокинутой острымъ концомъ внизъ, чтобы не могла по такому столбу росомаха, или другой какой звѣрь, вскарабкаться и похитить лѣсную добычу. Для пывзана выбираютъ обыкновенно Зыряне, какъ страстные охотники, самыя живописныя мѣста, и ужъ какъ бы далеко ни зашелъ Зырянинъ отъ пывзана, но вечеромъ онъ грѣется обыкновенно у каменки, варить себѣ въ котелкѣ, вмѣстѣ съ товарищами, пищу, или печетъ любимое свое кушанье изъ пшеничной муки,—лепѣшку, такъ называемую шанегу, и рассказываетъ товарищамъ всѣ свои охотничьи приключенія. Тутъ онъ передразниваетъ и подражаетъ голосу разныхъ звѣрей, и особенно искусно подражаетъ разнымъ голосамъ птицъ. Истожились же рассказы, затянуть Зыряне нестройно, искажая самымъ неправильнымъ выговоромъ, какую-нибудь русскую пѣсню—„ивушку“ или какую другую, а потомъ вспо-

мнять и свою родину; и тутъ, какъ говорятъ нѣкоторые, слышавшіе эти пѣсни, является и грусть, и веселье, и радость, и горе. Многие утверждаютъ, однако, что у Зырянъ своихъ пѣсень будто бы и совсѣмъ нѣтъ. Но вотъ начало одной изъ пѣсень, записанной со словъ Зырянина и перетолкованной на русскую рѣчь: „Ты не знаешь, прекрасный, добрый юноша, не знаешь, что за штука жизнь; ни цѣны своей, ни счастья своего ты не знаешь, нѣтъ! не долго человѣкъ молодъ! да и вся-то жизнь недолга!“

Погрустивъ при такой пѣсни и вдоволь наговорясь, просятъ затѣмъ Зыряне остальную долгую сѣверную ночь, обогрѣются, отдохнуть, а съ зарей снова за винтовки и снова за промысль. Нѣтъ снѣга—идутъ въ своихъ *пимахъ*, или оленьихъ сапогахъ, а залегъ по лѣсамъ глубокой снѣгъ—надѣваютъ лыжи и на лыжахъ быстро несутся по чащамъ розыскивать звѣря. При Зырянинѣ виситъ на ремнѣ самодѣльщина-пороховница, самодѣльщина-свинцовая проволока и самодѣльщина-винтовка.

Бродя по лѣсамъ, онъ откусываетъ по кусочкамъ проволоку и приготовляетъ изъ нея на досугъ зубами маленькія пульки.

Все на видѣ у него бѣдно, все уродливо: и собаки-то у него неученыя,—и не то это собака, не то волкъ; и запасъ пороха не великъ; расчетливъ Зырянинъ съ порохомъ,—и такъ

скупъ, что, отсыпая на зарядъ маленькую щепотку, онъ ухитряется сдѣлать изъ фунта триста зарядовъ. Самодѣльщина же винтовка зырянская,—не то съ виду суковатая палка, не то тонкая дубинка. Русскій охотникъ размѣялся бы, глядя на нее, да и не призналъ бы за ружье. Стволъ тонкій, отверстіе въ стволѣ узкое, чуть не въ дробину, на стволѣ снаружи шишки, горбы, прикладъ не прикладъ, а какой-то кусокъ сломанной оглобли или дубинки, и при прицѣлѣ къ щекѣ приложить его нельзя, а надо взять эту оглоблю подъ мышку и цѣлиться по стволу. Но и съ этой оглоблей Зырянинъ идетъ на медвѣдя, волка, лося, оленя, бьетъ лисицу, куницу, и стрѣляетъ такъ мѣтко, что не даетъ никогда промаха. Бѣлку онъ бьетъ, напримѣръ, въ двадцати саженьяхъ и, чтобы не испортить шкурки, бьетъ бѣлку одной дробиною или пулкою прямо въ носокъ. Бѣлка, горностаи, а изъ птицъ рябчикъ,—это главные его охотничьи промыслы. Зырянская бѣлка въ ходу на Руси и слыветъ подъ особымъ названіемъ *зырянки*. Этотъ маленькій звѣрекъ любитъ кедровые орѣхи, соевыя шишки и, прыгая съ невѣроятной легкостью съ дерева на дерево, розыскиваетъ себѣ пищу, а въ случаѣ неурожая или лѣсныхъ пожаровъ, переселяется большими стадами за Уралъ, въ Сибирскіе лѣса. При этихъ переселеніяхъ бѣлки, поднявъ свои пушистыя хвосты,

какъ паруса, переплываютъ большія рѣки, проходятъ иногда черезъ зырянскія селенія, пробираются по крышамъ, перебѣгаютъ черезъ улицы, и выгодно промышленникамъ напасть глубокою осенью на такое переселяющееся стадо. Осенняя и зимняя бѣлка самая лучшая; весной же и лѣтомъ она некрасива, мѣхъ на ней короткій и много рыжихъ волосъ. Самыя лучшія считаются кедровыя бѣлки, которыя водятся въ кедровыхъ лѣсахъ на Печорѣ. Наслѣживаетъ Зырянинъ бѣлку посредствомъ лая своей собаки. По этому лаю онъ далеко узнаетъ не только бѣлку, но и всякаго другого звѣря, котораго выслѣдила собака. Бѣлка же не только не боится лая собаки, но даже любитъ его. Сидя на деревѣ и смотря пристально на собаку, она стрекочитъ и рѣзвится, а Зырянинъ тихо и осторожно подкрадывается. Бѣлка хотя и слышитъ его шаги, но иногда не обращаетъ вниманія,—ея глаза прикованы къ лающей собакѣ, и, разумѣется, раздается выстрѣлъ и она падаетъ. Но это бываетъ иногда; въ большинствѣ же случаевъ бѣлка, какъ только увидитъ издали охотника, тотчасъ же начинаетъ взбираться выше по дереву. Чѣмъ ближе подходитъ охотникъ, тѣмъ она поднимается выше и выше, и прячется затѣмъ въ вѣтвяхъ такъ искусно, что исчезаетъ изъ глазъ совершенно. Зырянинъ по этому случаю ходитъ на бѣлокъ съ товарищемъ, и въ то

время, когда бѣлка исчезаетъ, одинъ охотникъ ее выколачиваетъ, то-есть, пугая ее, стучить топоромъ по дереву, а другой—держитъ ружье на-готовѣ и бьетъ ее, когда она перескакиваетъ на сосѣднее дерево. Кромѣ этого способа охоты, Зыряне ставятъ по лѣсу на бѣлокъ, а также и на другихъ звѣрей и птицъ, разныхъ западни, силки, ловушки; ловятъ въ большомъ количествѣ какъ бѣлокъ, такъ и разныхъ глухарей, тетерекъ, но болѣе всего рябчиковъ. Рябчики зырянскіе, называемые кедровиками, почитаются лучшими въ цѣлой Россіи. Охота за ними самая простая. Съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ морозовъ, Зырянинъ вылавливаетъ и бьетъ обыкновенно рябчиковъ сперва около своей деревни, а позже онъ идетъ глубже въ лѣсъ, и также розыскиваетъ выводки, которые состоятъ изъ пяти или шести штукъ. Выводокъ съ шумомъ поднимается съ земли, но тутъ же по близости онъ и садится на нижніе сучья какого-нибудь дерева. Опытный глазъ промышленника видитъ первыхъ рябчиковъ, промышленникъ стрѣляетъ одного, другого; но рябчики мало пугаются выстрѣловъ, слетаютъ иной разъ съ сучьевъ послѣ второго, третьяго, и садятся затѣмъ на другое дерево, поднявшись нѣсколько выше. Промышленникъ и тутъ ихъ бьетъ; и такимъ способомъ избиваетъ ихъ поочередно до тла. Множество этихъ битыхъ рябчиковъ развозятъ затѣмъ по

Россіи; достаточно сказать, что изъ одного Усть-Сысольскаго уѣзда вывозятъ ихъ на продажу въ Петербургъ и Москву до 300,000 паръ. Бѣлокъ же Зыряне продаютъ тысячь до 900.

На промыселъ Зыряне выходятъ изъ своихъ деревень осенью, возвращаются около Рождества, дѣлятъ въ это время добычу, а затѣмъ, съ половины Января, снова идутъ на промыселъ и оканчиваютъ свою охотничью жизнь только въ концѣ марта. Въ дѣлежъ добычи, какъ и во всемъ остальномъ, они чрезвычайно честны. На промыслахъ вся добыча каждого охотника партіи поступаетъ въ общую складчину и дѣлится по-ровну. Звѣрь, подстрѣленный одною партіей, но добытый другою, отдается послѣдней безспорно. Было время, когда зырянская простота и честность доходила даже до того, что Зырянинъ не зналъ и замка. Онъ и дома не запираетъ, и лѣсная изба и кладовая его оставались на деревянной задвижкѣ. Было время, какъ и подати, то-есть, деньги, носилъ въ городъ въ простой сумѣ.

Какой-нибудь волости, напимѣръ, нужно было внести въ казначейство свои подати. За сотни верстъ, глухими волоками, отправлялся, бывало, ходокъ пѣшкомъ съ сумою денегъ, и встрѣчавшіеся Зыряне при словѣ „казна нуа“, то-есть, казну несу, почтительно снимали передъ нимъ шапки и низко кланялись. Приходить хо-

докъ въ деревню, и сейчасъ же разносилась по всей деревнѣ молва: „Казна нуа“—казну несутъ; и ходокъ, положивъ суму въ передній уголъ избы, шелъ спать на сѣноваль, и былъ покоенъ, что до сумы его никто и не дотронется.

Но это было и ужъ былѣемъ поросло. Казна теперь не ходить, а ѣздить; къ избамъ у Зырянъ, какъ и у русскихъ, придѣлываются замки. Во всемъ остальномъ они такъ же живутъ, какъ и русскіе, и хотя тоже начинаютъ торговать, промыслятъ лѣсомъ, промыслятъ также въ большомъ количествѣ и рыбой на Печорѣ и ея притокахъ, но все еще жизнь Зырянина больше всего проходить въ непролазныхъ хвойныхъ лѣсахъ, и главный его промыселъ тотъ же, что и былъ сотни лѣтъ назадъ. Зырянинъ, такимъ образомъ, не больше, какъ лѣсовникъ, лѣсной звѣроловъ; а близкій его сосѣдъ и родичъ по племени, другой инородецъ Вотякъ, населяющій тѣ же хвойные лѣса Вятской губерніи, хотя и усерднѣе пашетъ землю, чѣмъ Зырянинъ, но также остался лѣснымъ обитателемъ и даже лѣснымъ дикаремъ. Несмотря и на пашню, въ немъ сильнѣе сидитъ лѣсная дичь или дикарство, чѣмъ у непахатника-Зырянина. Вотякъ и плохой звѣроловъ, и еще плоше пахарь. Научившись отъ русскаго выжигать лѣса, чтобы такимъ образомъ приготовить землю для пашни, Вотякъ и съ пашней сталъ было ко-

чевать по своимъ лѣсамъ. Выпашется у него черезъ года два, три, выжженная полоса, не станетъ давать урожая, онъ и не подумаетъ увозить ее, а перекочетъ сейчасъ же на новое мѣсто, и выжжетъ новый лѣсъ. Много такимъ образомъ погибло лѣса. Лѣтомъ, бывало, по всей вотяцкой землѣ русскіе только и видѣли, что черные клубы дыма, поднимающіеся изъ-за лѣсу или горъ. Теперь правительство строго за этимъ слѣдить и не позволяетъ Вотяку жечь лѣса и кочевать съ пашней, какъ прежде. Но страсть къ кочевью сохранилась у Вотяка и до сихъ поръ. Онъ хотя и живетъ въ такихъ же деревняхъ и избахъ, какъ русскій, но лѣтомъ оставляетъ избу и переселяется или перекочевываетъ въ свой бѣлый чумъ, или бѣлую палатку. Давно уже Вотякъ крещенъ, но онъ менѣе христіанинъ, чѣмъ непахатникъ-Зырянинъ, онъ все еще вѣритъ своимъ колдунамъ, которые зовутся у него *тунами*, и ходить украдкой молиться и приносить жертву своимъ богамъ въ священныя для него лѣсныя мѣста, называемыя *керемети*.

Вотякъ скупъ до невозможности. Онъ всѣмъ говорить: „наша ничево нѣтъ“, и живетъ всегда грязно, усчитываетъ вездѣ, гдѣ придется, каждую копейку, думая, что для него непремѣнно настанетъ черный день. Деньги свои, по этому случаю, Вотяки прячутъ въ кубышки и зарываютъ въ лѣсу. Русскіе сосѣди говорятъ о Во-

тякахъ: попроси у Вотяка утку зажарить, либо гуся, которыхъ у нихъ гибель, то Вотякъ задавится скорѣе и денегъ съ тебя не возьметъ, а гуся не дастъ. Рассказываютъ такой случай: прослышалъ Вотякъ, что есть такой докторъ, что слѣпыхъ дѣлаетъ зрячими. А былъ у Вотяка совершенно слѣпой отецъ, который не могъ по этому случаю ничего работать. Вотъ привелъ Вотякъ своего отца къ доктору и спрашиваетъ его: „А что, бачька, берешь дѣлать отцу два глаза?“ Докторъ назначилъ плату. Вотякъ сталъ торговаться. Торговался, торговался, наконецъ порѣшилъ на шести рубляхъ

Порѣшивши такъ, Вотякъ тащить монну, отсчитываетъ три рубля и говорить:

— Дѣлай, бачька, одна глаза; отецъ и съ одна глаза работать будетъ

Съ виду Вотякъ похожъ на Зырянина. Онъ также рыжій или русый, но ноги у него тонкія, глаза скошенные, узкіе, подслѣповатые, ротъ широкій, лобъ покатый, борода клиномъ, и самъ онъ сгорбленный, неповоротливый, какъ медвѣдь; ходитъ тихо, говорить вяло, и нѣтъ въ немъ ни смѣлости, ни бойкости, ни особеннаго ума, что мы замѣтили и видимъ у Зырянина. Недовѣрчивый, скрытный, двоеличный и вмѣстѣ съ тѣмъ тихій и боязливый, Вотякъ вызвалъ своимъ характеромъ такую насмѣшливую половицу у Русскихъ: „Вятцки—ребята хвацки—

семеро одного не бояться“. Скрытенъ Вотякъ до того, что если сговорятся Вотяки о чемъ-нибудь на своемъ совѣтѣ, то вся деревня будетъ говорить одно, и даже дѣти, и тѣ не проболтаются. Знаетъ ли Вотякъ говорить по-русски или нѣтъ, но, сговорившись, и знающій, и незнающій—все будутъ отвѣчать одно слово по-вотяцки: „уктоцки“, то-есть: „не знаю“. Спросить Вотяка: много ли тебѣ лѣтъ? „Уктоцки“, отвѣтитъ Вотякъ.—Вотякъ ли ты или нѣтъ?—„Уктоцки“, отвѣтитъ онъ опять.—Такъ кто же ты? спросить раздосадованный спросчикъ.—„Уктоцки“, отвѣтитъ Вотякъ и на это.

Одѣвается Вотякъ такъ же, какъ русскій. Вся разница въ шитой сырпомъ и шелкомъ рубахѣ съ красными наплечниками и въ ножнахъ для топора и для ножа, который онъ привѣшиваетъ къ поясу. Головной уборъ Вотячекъ дѣлается изъ бересты, къ которой прикрѣпляются кусочки сукна, вышитыя шелками. Этотъ головной уборъ, или шлыкъ, отороченъ на лбу подвѣсками изъ бусъ и бисера: у иныхъ Вотячекъ онъ обвитъ, какъ чешуей, старинными мелкими монетами, у другихъ—просто жестянками, и въ косахъ, которыя привязываются обыкновенно къ поясу, также вплетены разныя монеты—старинные полуполтинники, полтинники, а иногда даже и цѣлковые. Женскій нарядъ Вотячекъ состоитъ изъ узкихъ шароваръ и ши-

той мелкими цвѣтами рубахи. Деревни вотяцкія рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ русскихъ. Русскія вятскія деревни, выстроенныя изъ хорошаго лѣса, чисты, стоятъ улицами прямо, ровно; вотяцкія же—построены все кое-какъ въ груды, въ кучу, и грязь въ избахъ непролазная. Зимой спятъ Вотяки въ повалку, на полу, среди телятъ, ягнятъ, козлятъ, а подъ лавками у нихъ, за деревянной рѣшеткой, живутъ и куры, и утки. Во всемъ остальномъ они также крайне неряшливы и грязны. Посуды никогда не моютъ,—варились въ котлѣ щи, варились и каша; тутъ же, съ остаткомъ каши и щей, варятъ и уху, и другое что надо. Въ хлѣбѣ вотяцкомъ попадаетъ и мякина, и неразмолотыя зерна, и всякая дрянь, которая только и можетъ быть въ непросѣянной вотяцкой мукѣ. Вотячки и дѣти лѣзутъ въ квашню всегда пальцами, и съ особеннымъ удовольствіемъ ѣдятъ сырое тѣсто. Ухитрилась Вотячка сварить и квасъ, да такой квасъ, какого и нѣтъ нигдѣ. Вышла изъ этого кваса какая-то безвкусная жидкость съ затхлымъ запахомъ и съ особеннымъ, одному ему свойственнымъ, способомъ тянуться.

Обрусѣвшіе Вотяки сами смѣются надъ этимъ квасомъ и говорятъ:

— „Ой, бачька, наша баба такой сюкасъ (онъ у нихъ сюкасъ называется) уміетъ варить, что станешь ты пить ево у стола, да изъ изба

вонъ пойдешь, такъ ина до самой дверь прогланетца, а опосля бидго какъ струна и лопнетъ“.

Ихъ любимая *кумышка*, или водка, которую они гонять въ лѣсахъ, также прескверная на вкусъ и пахнетъ дымомъ; но крѣпость кумышки они иногда доводятъ до того, что съ одной рюмки нельзя бываетъ и ногъ поднять. Коровъ у нихъ много, но молоко сберегать не умѣютъ; птицы тоже, но съ сохраненіемъ яйца куриного они также на справляются.

— „Проклятый этотъ курекъ-пузь (т.-е. яйца), говорятъ Вотяки, лешакъ его знаетъ, какъ его русинъ бережить. У насъ вовсе уже не умѣютъ ихъ бережить: положить на сукая мѣста, она засыхаетъ, въ колодной мѣстѣ мерзнетъ, да лопнитъ, а въ подполкѣ портится; станешь ево порченый пекить, такъ она какъ сѣнопаль (т.-е. ружье) клопъ, да клопъ (т.-е. стрѣляетъ)“.

По этому случаю вотяцкія бабы сберегаютъ яйца для ѣды особымъ родомъ. Они выпускаютъ ихъ въ буракъ или кадочку и выставляютъ эту сырую яичницу на морозъ, а когда захотятъ ѣсть, растаиваютъ и берутъ сколько нужно.

Изъ овощей особенно любятъ Вотяки—рѣдьку и лукъ. Грибы собираютъ всякіе, гнилые и старые—по нихъ все хорошо.

— „Э, бачька, говоритъ Вотякъ, гдѣ ты скоро мелкаго губи (т.-е. гриба) наберешь, а

съ червомъ ли она, безъ черва ли—все у ево одна скусъ. Солится, да сушится, такъ и будетъ короша“.

И ѣдятъ они и червивые грибы, и гнилые, ѣдятъ и нечистое, нецѣженое и сквашенное молоко, и сушенанаго и толченанаго въ порошокъ гуся, ѣдятъ затѣмъ и векшу, а иногда и конину.

Женщины у нихъ главные работницы, какъ въ полѣ, такъ и дома. Вотякъ и выбираетъ себѣ жену не красивую, не молодую, а здоровую. Женъ они себѣ, какъ и всѣ ихъ родичи-инородцы, покупаютъ, а если не сойдутся въ платежѣ съ отцомъ невѣсты, то крадутъ. Въ большинствѣ случаевъ скупой Вотякъ такъ и дѣлаетъ. Его за это и бьютъ; но онъ упрямъ, и если не удастся разъ украсть, въ другой, хотъ и снова побьютъ, но онъ украдетъ навѣрное. А еслибъ не начальство, то Вотякъ укралъ бы себѣ и не одну жену, а двѣ. Жена у него главная работница. Когда Вотякъ женится, онъ не балуетъ жену, а держать въ черномъ тѣлѣ, въ отрепьяхъ, прячетъ отъ нея деньги и подчасъ, несмотря и на свою тихость, даетъ знать женѣ, что и у него кулакъ такъ же здоровъ, какъ и у русскаго. Одна утѣха работницъ-вотячкѣ въ ея тяжелой долѣ, какъ и у самого Вотяка—напиваться, когда представится случай, до упаду кумышкой и русской водкой. Случай же такого празднества у Вотяка постоянно. Онъ справ-

ляетъ и свои, и русскіе праздники; и справляетъ ихъ, начиная за недѣлю до праздника и кончая также спустя недѣлю. Христіанскіе праздники онъ смѣшалъ вмѣстѣ съ своими прежними языческими, и когда приходитъ Страстная недѣля, въ великій четвергъ вотяцкая деревня оживаетъ. Тогда отворяются повсюду настежъ ворота и двери, откидываются волоковыя окошки, за околицей слышатся дикіе крики, а на улицѣ, верхомъ на вяткахъ, показываются подростки-ребята. Они сильно кричатъ, шумятъ, машутъ хворостинами, вѣзжаютъ на каждый дворъ, прыгаютъ съ лошадей, заходятъ въ хлѣва, въ амбарушки, въ избу; и во всякомъ углу шарятъ хворостиной шайтана (т.-е. дьявола) и выгоняютъ его вонъ. Бабы же Вотячки спѣшатъ въ это время прибрать избы, колютъ скотину; и когда настанетъ праздникъ, то продолжается онъ чуть не съ мѣсяцъ. Лбуютъ они тогда въ себя невѣроятное количество и кумышки, и пива, и водки, и хмельного своего меда; и по всѣмъ избамъ только и слышится топотъ, да „дуй, дуй, ой, ой, яй!“ Другой пѣсни у нихъ и не водится; запѣваютъ иногда и русскую пѣсню, но поютъ они ее въ такомъ родѣ: „Подлѣ рѣчки, подлѣ мось, липовой береза росъ“. Пляска же вотяцкая въ томъ только и состоитъ, что соберутся пять человѣкъ, начнутъ топтаться на

мѣстѣ, убивать ногами землю, да хлопать въ ладоши, а остальные стоятъ вокругъ да смотрять.

Такое веселье на всѣхъ праздникахъ, другого и нѣтъ. И такъ веселятся Вотяки; а какъ грустятъ они,—горя всего и не перечислить. Главныхъ, впрочемъ, бѣдъ у Вотяка: рекрутскій наборъ и открытіе кумышки, то-есть, когда откроютъ чиновники, что Вотяки тайно, безпошлинно, гонять въ лѣсу водку.

Помреть отецъ, братъ, жена,—все это рѣдко приводитъ въ такое уныніе, какъ первыя двѣ бѣды.

Разсказываютъ, напримѣръ, такой случай: умеръ гдѣ-то въ лѣсу Вотякъ отъ удара. Сидѣлъ онъ мертвый, прислонившись къ дереву; въ одной рукѣ была у него открытая табакерка, а въ другой—щепотка табаку. Увидѣлъ это ѣхавшій мимо Вотякъ, подошелъ къ мертвому, посмотрѣлъ и захохоталъ.

Русскіе возмущились, и говорятъ ему: чего, дуракъ, тебѣ смѣшно?

Но Вотякъ продолжалъ хохотать.

— „Ну, ужъ смѣшилъ,—приговаривалъ, смѣясь, Вотякъ,—живой-то всегда нюкалъ, да и мертвый-то быдто нюкаетъ. Ну, смѣкъ, вотъ такъ смѣкъ“.

И Вотякъ снова захохоталъ.

— Да развѣ ты знаешь мертваго?—спросили русскіе.

— Какъ же не знаю, отвѣчалъ вотякъ,—отецъ вѣдь мой она была.

И къ удивленію русскихъ онъ проговорилъ потомъ:

— „Жаль не жаль, и кошъ ослѣпни плачь, а толка не будетъ—коронить надо“.

Разумѣется, надо издерживать деньги. Вотъ это-то и бѣда своего рода. Надо сколотить гробъ, положить вмѣстѣ съ покойникомъ кривое шило, которымъ точаютъ лапти, и начатый лыковой лапотъ; надо сунуть въ руку покойника рубль денегъ, чтобы на всякій случай онъ могъ откупиться отъ шайтана, а затѣмъ надо и поминать покойника. Поминаютъ Вотяки покойниковъ разными яствами, угощеніями, и выбираютъ для этого въ лѣсу вѣтвистое дерево, на каждомъ сучкѣ котораго прилѣпляютъ, по восковой свѣчи.

Такъ бѣдный вотяцкій народъ родится, живетъ и умираетъ въ своихъ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ, думая только объ одномъ, чтобы откупиться то отъ шайтана, то отъ чего другого. Не мудрено послѣ этого, что Вотякъ и живетъ грязно, и скупъ, и скрытенъ. Не мудрено, что онъ и плохой скотоводъ, и плохо звѣря ловить, который ушелъ изъ его хвойныхъ лѣсовъ въ Сибирь за Уралъ; не мудрено, что онъ и не пахарь, и не лѣсной промышленникъ, и не знаетъ никакого ремесла, и не славится

никакими издѣліями. Онъ молить Бога, и своего, и русскаго, обо всемъ; молить и выходя на пашню, и каждый праздникъ, и каждый день.

— „Уроди, Господи,—говорить слезно Вотякъ,—хлѣбъ корошій, чтобы зерна былъ такъ крупна, какъ куриный яйца, чтобы колосья была такая, какъ ломоть хлѣба, а солома какъ ивовая лоза и притомъ желтая“... и такъ далѣе.

Все у Вотяка, бывшаго звѣролова и кочевника, а настоящаго осѣдлаго пахаря,—плохо идетъ. Только въ уходѣ за пчелами искусство Вотяка выручаетъ его какъ въ податяхъ, такъ и во всѣхъ другихъ житейскихъ нуждахъ. Елабужскіе вотяки—тѣ занимаются, впрочемъ, и тѣсованьемъ; дѣлаютъ лубокъ, мочалу, кули, разную деревянную посуду. Занимались бы Вотяки и другими промыслами и издѣліями, и, можетъ быть, имъ не нужно было бы жечь лѣсовъ,—но жечь лѣса ихъ научили русскіе. А другимъ бы чѣмъ они и занялись, да не знаютъ ничего.

Покажите Вотяку во-очію примѣръ пользы, и онъ съ охотою примется за всякое полезное дѣло. Такъ, простой отставной солдатъ научилъ Вотяковъ разводить огурцы. Солдатъ садилъ огурцы и продавалъ въ городъ, а когда увидѣли Вотяки, что онъ получаетъ съ 3—4-хъ грядъ земли отъ 15 до 20 руб. въ лѣто, они стали сейчасъ же наблюдать за тѣмъ, какъ солдатъ приготавливаетъ гряды, какъ ухаживаетъ за огур-

цами. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ вся деревня стала разводить огурцы, а теперь изъ всѣхъ сосѣднихъ городу деревень носятъ Вотяки множество огурцовъ на продажу. До этого же солдата Вотяки не имѣли и понятія объ огурцахъ.

Точно также, не зная хлѣбопашества и лѣсоводства, не зная, для чего годенъ лѣсъ, что изъ него можно дѣлать и какъ и куда его сбывать, живетъ въ тѣхъ же дремучихъ вятскихъ лѣсахъ и лѣсахъ Пермской губерніи сосѣдъ Вотяка и близкій родичъ по племени, какъ его, такъ и Зырянина—Пермякъ. Между Пермяками существуетъ преданіе, будто старики, прежде чѣмъ поселиться на какомъ-либо мѣстѣ, вбивали въ землю колъ, и если колъ шелъ туго, говорили, что земля хороша, а если слабо—худа.

Пермякъ давнѣе и ближе сошелся съ русскими, чѣмъ Зыряне и Вотяки; промыслы его разнообразнѣе, и онъ даже знаетъ нѣкоторыя ремесла; но все-таки хлѣбопашество его идетъ плохо, звѣроловство такъ себѣ, а ремесла кое-какъ. Онъ промышляетъ въ лѣсу рябчикомъ и бѣлкой, дѣлаетъ рогожу, занимается выдѣлкой овчинъ, отчасти кожъ, а зимой, какъ швецъ, идетъ по вятскимъ деревнямъ обшивать Вотяка.

По виду и жизни мало чѣмъ отличающійся отъ русскаго, онъ забылъ уже своихъ каменныхъ идоловъ, свою золотую бабу, изображавшую старуху съ двумя младенцами на рукахъ; онъ

забылъ и своихъ волхвовъ, чародѣевъ, но въ случаѣ болѣзни прибѣгаетъ еще къ колдуну или къ шептунамъ. Живетъ онъ въ такой же избѣ, какъ русскій, и одежда у него та же самая, только рубаха нѣсколько длиннѣе, да съ вышивкою, у рубахи рукава пошире и на рубашкѣ поясъ, на поясѣ огниво, а наголовѣ бѣлый шерстяной или войлочный колпакъ. Пѣсенъ своихъ у Пермьяка мало, да и тѣ, что есть, скорѣе прибаутки да побасенки. На свадьбахъ поютъ Пермьяки русскія пѣсни, плохо, разумѣется, выговаривая ихъ и искажая. Поютъ: „Ахъ, по морю, морю синему, по хвалынскому, плыветъ сѣръ силезень“. Свадьбы совершаются просто. Испросить отецъ дозволеніе у своего начальства и священника, и затѣмъ пріискиваетъ своему сыну невѣсту. Нарядившись въ праздничное платье и помолившись Богу, сватовщикъ или сватовщица отправляются въ домъ невѣсты и, вслѣдствіе разныхъ суевѣрій, сватовство это сопровождается разными мелкими обрядами. На свадьбахъ пляшутъ Пермьяки, но пляшутъ не по-русски. Пляска одна у нихъ. Дѣвушка или двѣ вскочатъ со скамьи и начнутъ бѣгать кругомъ избы другъ за дружкой. Глядя на нихъ, вскочатъ и другіе, какъ парни, такъ и дѣвушки, и составитъ кругъ, и пойдетъ потѣха. Кругъ раздѣлится пополамъ, либо переплетется, и, бѣгая небольшимъ мѣрнымъ шагомъ, каждый

и каждая изъ танцующихъ подергиваетъ слегка плечомъ, помахиваетъ руками, хлопаетъ въ ладоши, стучитъ, припрыгиваетъ, и подъ звуки балалайки или гармоники дѣвушки поютъ:

Я не полеми шва,
Тяжево несва,
Рѣшето овса,
Я де въ избу зашва
На печь высыпава,
Три дня сушива
На четвертый товка,
Я блиновъ напеква... и т. д.

Такъ, по пословицѣ „худъ Пермьякъ, да два языка знать“. Онъ и поетъ, и говорить и по-русски, и по-своему. Кромѣ свадьбы остальные обряды, то-есть, крестины, похороны и разные праздники, совершаются у Пермьяковъ такъ же, въ точъ-точъ, какъ и у русскихъ. Одно еще обыкновеніе у Пермьяковъ, отличающее ихъ отъ русскихъ и губящее ихъ, это—раздѣлъ. Дѣлятся они постоянно. Что ни семья, то и новая изба и особое хозяйство. На вопросъ: зачѣмъ вы дѣлитесь? Пермьяки отвѣчаютъ: — „не ладится вмѣстѣ,—бабы дерутся“.

— „Но вѣдь такъ худо жить,—вѣдь и бабы это видятъ“,— говорятъ имъ.

— „Видятъ-го видятъ, да оно должно на роду намъ такъ написано“,—успокоиваетъ себя Пермьякъ.

И дѣлятся Пермьки и братъ съ братомъ, и сынъ съ отцомъ, и сынъ съ матерью, и отъ этого раздѣла бѣднѣютъ еще болѣе. Избы у нихъ плохія и грязныя; и „хоть живутъ въ лѣсу“ да по пословицѣ и дрова съ вѣсу: то-есть, и плошки, и ложки, и чашки, и другая деревянная посуда,—все у нихъ не свое,—все покупное. Доски они вытесываютъ топоромъ; самая необходимая въ лѣсу вещь,—пила, немногимъ изъ нихъ и то недавно стала извѣстна.

При такомъ незнаніи самыхъ простыхъ инструментовъ и самыхъ простыхъ издѣлій, какъ выдолбить ложку, выточить чашку и выпилить доску, они и въ хлѣбопашествѣ не далеко ушли отъ Вотяковъ, а о лѣсоводствѣ не можетъ быть и помину. Лѣсоводства не знаетъ и русскій, живущій въ этихъ же лѣсахъ. И неудивительно, что Зырянинъ, чтобы достать съ дерева убитую имъ бѣлку, рубить и сваливаетъ иной разъ какой-нибудь столѣтній кедръ или сосну. Неудивительно, что онъ не цѣнитъ этого кедра, а цѣнитъ копѣечную шкурку бѣлки. Кедръ нужно перетащить верстъ за двѣсти-триста, черезъ лѣсную чащу по топкимъ мѣстамъ, по озерамъ, и, доставивши на мѣсто, продать дешево, такъ какъ спросъ на него не великъ. Тысячи же бѣличьихъ шкурокъ и доставляются легко, и продаются скоро. Отсюда, или по этой же причинѣ, и хлѣбопашество у Зырянина въ скудномъ видѣ.

Земля для пашни плоха и не можетъ быть какъ выгодна, какъ охота на бѣлокъ и рябчиковъ. Вотякъ тоже не видитъ пользы въ окружающіхъ его лѣсахъ, и потому жегъ ихъ и кочевалъ съ пашней, такъ какъ пашня все-таки кормила его. Такъ же смотритъ и Пермькъ на свой лѣсъ, и, не зная, что съ нимъ дѣлать и куда дѣваться, онъ промышляетъ то тѣмъ, то семъ, и живетъ кое-какъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Остается въ заключеніе пожелать нагляднаго, полезнаго примѣра для этихъ жителей лѣсовъ, инородцевъ, и остается сказать, что пока дремучіе лѣса, въ которыхъ живутъ эти люди, не станутъ близко къ намъ, то-есть, пока не пройдутъ къ этимъ лѣсамъ хорошія дороги, хорошіе пути, до тѣхъ поръ и жители лѣсовъ не будутъ знать, что дѣлать, не будутъ того цѣнить, что ихъ окружаетъ и что пока не приносить имъ никакой пользы.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Минтшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Издание 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Томе. Вып. II-ой. — Инородцы лѣсовъ (Сибирь), съ рисунк. Броза и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангунны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога ученич. библ. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для безплатныхъ народныхъ чталенъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

ГК-49585502
УЧ.Н. 25288/145

Завоеваніе Англіи Норманнами. Переводъ И. И. Медвѣдева. М. 1900 г., ц. 25 коп.

Шиллеръ. Вильгельмъ Тель. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. Аврамова. М. 1901 г., ц. 25 к.

Орлеанская Дѣва. Романтическая трагедія. Переводъ А. Н. Аврамова. М. 1900 г., ц. 25 к.

Корнелій Нелотъ. Избранныя біографіи. Перев. со словар. (по Шульцу) и примѣчаніями Н. Г. Кипарисова. М. 1901 г., ц. 75 к.

Корнель Сидъ. Переводъ Медвѣдева. М. 1901 г., ц. 25 к.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ П. СМІРНОВСКИМЪ.

Учебникъ русской грамматики. (Этимологія и Синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для церковно-приходскихъ школъ въ качествѣ учебнаго руководства 1897 г. Ц. 12 к.

Всѣ нижеслѣдующія 11 изданій Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены въ качествѣ руководствъ для среднихъ учебныя заведеній.

I. Приготовительный курсъ русской грамматики. Учебникъ для приготовительнаго класса и вообще для начинающихъ, ц. въ перепл. 25 к.

II. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ заведеній.

Часть I—Этимологія ц. въ перепл. 55 к.

Часть II—Синтаксисъ, ц. въ перепл. 5 к.

III. Грамматика древняго ц.-славянскаго языка, изложенная сравнител. съ русскою, ц. въ перепл. 75 к.

IV. Сборникъ періодовъ, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1769—1880 г.), ц. 20 к.

V. Русская хрестоматія въ двухъ частяхъ; часть I (для 1-го и 2-го кл.) ц. въ перепл. 85 к., часть II, (для 3-го и 4-го кл.), ц. въ перепл. 1 р.

VI. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соответствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. ц. 15 к. Допущена въ приготовительные классы гимназій и прогимназій.

VII. О курсѣ чтенія въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ Русской хрестоматіи. Ц. въ перепл. 45 к.

VIII. Теорія словесности, съ приложеніемъ статей: 1) Пoesія, какъ изящное искусство; 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики; 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи ц. въ перепл. 65 к.

IX. Сборникъ статей, какъ приложение къ учебнику теоріи словесности. ч. I, ц. въ перепл. 75 к. Ч. II, ц. въ перепл. 75 к.

X. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть I (народная словесность, литература отъ начала письменности до Ломоносова), ц. 1 р. 40 к. Часть II (отъ Ломоносова до Карамзина), ц. 1 р. 15 к. Часть III (отъ Карамзина до Пушкина), ц. 1 р. 50 к. Ч. IV (отъ Пушкина до новѣйшаго времени, ц. 1 р.

XI. Курсы систематическаго диктанта. Часть I (для 1 и 2 кл.) ц. въ перепл. 75 к. Часть II (для 3 и 4 кл.) ц. въ перепл. 55 к.

ЦѢНА 10 коп.